

Проблема классовости и равенства в уголовном праве: социолого-правовой анализ

В. Н. Шиханов

Для цитирования: Шиханов В. Н. Проблема классовости и равенства в уголовном праве: социолого-правовой анализ // Правоведение. 2022. Т. 66, № 1. С. 43–68.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.103>

Автор рассматривает вопрос равенства граждан перед уголовным законом, а также связанный с ним вопрос классовости преступности и, соответственно, уголовного права. Poleмика по этим вопросам существует в кругу правоведов, высказываются разные точки зрения, приводятся аргументы. Между тем само понимание термина «классовость» применительно к преступности или уголовному праву менялось с течением времени. В работе описано, как развивался дискурс о классовости, приведены позиции Конституционного Суда России о равенстве. Опираясь на данные судебной статистики, автор указывает на устойчивые закономерности, когда за преступления, считающиеся в законе более тяжкими, назначаются менее строгие наказания. У этого явления, которое может показаться парадоксальным с точки зрения доктрины уголовного права, имеется криминологическое объяснение. Во всех таких случаях суды реагируют на социальные характеристики преступников: подсудимыми по более тяжким преступлениям нередко оказываются лица, использовавшие свое служебное положение, причем эти лица обладают положительными характеристиками, они максимально социализированы. И напротив, лица, совершившие менее тяжкие преступления, служебного положения не использовали и в основной своей массе являются представителями более низких социальных страт. В статье обосновывается тезис о том, что теоретические и методологические особенности действующего уголовного законодательства, в особенности механизмы дифференциации уголовной ответственности и система уголовных наказаний, не позволяют адекватно учитывать социальные характеристики преступности, фактическую систему социальных ценностей в российском обществе, особенности социальной стратификации. Вся система уголовных наказаний и подавляющее большинство санкций в статьях Особенной части уголовного закона отталкиваются от определенной модели иерархии системы социальных ценностей. При этом социологические исследования позволяют обнаружить, что указанная модель иерархии оторвана от действительности, а потому уголовный закон не является адекватным отражением реально существующих общественных отношений. Автор предлагает изменить методологию построения системы уголовных наказаний и санкций в статьях Особенной части Уголовного Кодекса РФ. Надежды обеспечить равенство граждан перед законом путем установления какой-то общей и одинаковой для всех шкалы с универсальной градацией тяжести уголовных наказаний автор признает противоречащими социальной действительности, а потому утопичными.

Ключевые слова: уголовная ответственность, дифференциация ответственности, социальная стратификация, классовый подход, юридическое равенство.

Дискурс о классовой/неклассовой природе конструкции «преступления» и уголовного законодательства вообще существовал достаточно давно и сохранился до настоящего времени. В частности, Е. В. Епифанцева с помощью анкети-

---

Шиханов Владимир Николаевич — канд. юрид. наук, доц., Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Российская Федерация, 664035, Иркутск, ул. Шевцова, 1; ShikhanovVN@Rambler.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

рования участников II Всероссийского конгресса уголовного права на базе МГУ им. М. В. Ломоносова определила, что подавляющее число правоведов России и стран СНГ считают уголовный закон и (или) практику его применения в определенной мере классовыми. Некоторые респонденты полагали, что это неизбежная черта любого уголовного кодекса¹. При этом на страницах юридической литературы встречаются и противоположные суждения².

Вместе с тем сам спор о классовости конструкции «преступление» или действующего уголовного закона с практикой его применения оказался явлением развивающимся. Прежде всего следует обратить внимание на то, что в первой половине XX в. термин «классовость» имел другую смысловую нагрузку, нежели сейчас.

Согласно марксистско-ленинской теории государства и права само уголовное право в условиях эксплуататорского общества признавалось орудием угнетения трудящихся масс, охраны сложившихся правил принудительного несправедливого перераспределения основных средств производства и общественного продукта, а также средством подавления попыток сопротивления такому порядку со стороны угнетенных классов.

Например, К. Маркс, анализируя законы об ответственности за сбор немецкими бедняками валежника на территории чужих лесных владений, указывает, что «источник всякого обычного права бедных заключается в неопределенном характере некоторых видов собственности, не делающих ее ни безусловно частной, ни безусловно общей собственностью в смешении частного и публичного права, выступающем перед нами во всех средневековых учреждениях... Рассудок уничтожил промежуточные неустойчивые виды собственности, прибегнув к заимствованной из римского права категории гражданского абстрактного права; законодательный разум тем более считал себя вправе уничтожить обязательства этой неустойчивой собственности по отношению к беднейшему классу, что он уничтожил и его государственные привилегии... Обычаи, являющиеся обычаями многочисленного бедного класса, с верным инстинктом умеют затронуть собственность с ее неоформившейся стороны», а потому собирание валежника в частновладельческих лесах — это законное проявление «захватного права» бедности, которая «в самой своей деятельности находит оправдание своего права»³.

Советские правоведы в 1920–1930-х годах указывали на то, что разные нарушения порядка обладают разным характером социальной опасности, но оценка такой опасности зависит от представлений господствующего класса. Следовательно, уголовное законодательство после Октябрьской революции 1917 г. продолжало оставаться орудием защиты интересов правящего класса, просто теперь оно оказалось в руках победившего пролетариата. Прежние представления об опасности или полезности разных действий были подвергнуты серьезному переосмыслению, однако все в том же классовом контексте. В частности, если одни нарушения порядка, как считалось, не причиняют большого вреда новым общественным отношениям, то другие несут серьезную угрозу советской власти рабочих и крестьян, посягают на социалистический уклад жизни, преследуют цель вернуть некоторым лицам прежние привилегии эксплуататорских классов.

В частности, УК РСФСР 1926 г. основанием для применения мер социальной защиты считал социальную опасность преступника с позиции именно классового

¹ *Епифанцева Е. В.* Кого защищает уголовный закон? // Общество и право. 2008. № 2. С. 90.

² Уголовное право России. Общая часть: Учебник / под ред. Ф. Р. Сундунова, И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. С. 146–148.

³ *Маркс К., Энгельс Фр.* Литературное наследство / изд. Фр. Мерингом; пер. с нем. Е. А. Гурвич, М. Г. Лунца. М., 1907. С. 256–257.

детерминизма, то есть как представителя определенного (враждебного пролетариату) класса⁴. В уголовном праве РСФСР того периода термин «социальная опасность» имел конкретное политическое содержание и должен был настраивать уголовное законодательство с практикой его применения на дифференциацию репрессии: с одной стороны, в отношении трудящихся, совершающих преступление по малограмотности, политической незрелости, ввиду пережитков буржуазного прошлого нашего общества, а с другой — в отношении социально опасных элементов, от которых советское общество должно защищаться самым серьезным образом.

Собственно говоря, уголовное законодательство РСФСР и союзных республик до 1958 г. и не скрывало, что является инструментом защиты интересов правящего класса и подавления прежних классов эксплуататоров. Напротив, попытки буржуазных правоведов обнаружить неклассовую природу преступления и дать ему соответствующее определение подвергались последовательной обличающей критике⁵.

Н. Ф. Кузнецова указывала, что при социализме классовый характер преступлений определяется по социальным корням, причинам, содержанию преступности и правовому понятию преступления, а также по социальному назначению норм о преступлениях. По своему происхождению преступления остались неизменно следствием разделения общества на антагонистические классы в далекую эпоху становления рабовладельческих государств, а по своим причинам все преступления по-прежнему представляют собой порождение классово-антагонистических противоречий эксплуататорского общества⁶.

Следует обратить внимание и на то, как понимались сами классы: таковыми считались «крупные группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»⁷. Такое понимание тесно переплеталось как с принятой политической идеологией, так и с ключевыми положениями методологии общественных наук того периода (теория классовой борьбы, лежащая в основе исторического материализма), а отсюда с характерной особенностью постановки проблем, формулирования гипотез и объяснения фактов.

Н. В. Лясс, анализируя труды Г. Г. Ешека (Escheck H.-H.), отмечала: «При определении задач уголовного права Г. Ешек исходит из традиционного для буржуазной правовой теории внеклассового понимания уголовного права как “средства охраны мира и порядка”. Основную цель уголовного права он видит в “защите общества”, “защите совместной жизни людей в обществе”, “обеспечении социального порядка” <...> Проф. Ешек является сторонником легалистского направления. В своих работах он многократно обосновывает тезис о необходимости ограничения сферы применения государственного принуждения. <...> Приведенные определения

---

⁴ Никулин В. В. Правосудие и политика: соотношение политики и права в советской системе наказаний // Genesis: исторические исследования. 2013. № 5. С. 5–9.

⁵ Волков Г. И. Классовая природа преступлений и советское уголовное право / под ред. Н. В. Крыленко. М.: Сов. законодательство, 1935; Лясс Н. В. Проблемы вины и уголовной ответственности в современных буржуазных теориях. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. URL: <https://jurisprudence.club/ugolovnoe-pravo-uchebnik/suschnost-zadachi-ugolovnogo-50256.html> (дата обращения: 18.02.2020).

⁶ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 26.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 39. С. 15.

сущности уголовного права не содержат и намека на классовое содержание и направленность государственного принуждения. <...> Их назначение — утвердить надклассовый характер уголовно-правовой репрессии, применяемой якобы в интересах всех граждан для обеспечения социального порядка в строго ограниченных пределах. Критерием допустимого вторжения уголовного права в “свободное поведение членов общества” объявляется не опасность преступных деяний для господствующих в данном обществе отношений, а такие аморфные категории, как “культура нации”, “достигнутый уровень развития общества” и т. п.»⁸.

После распада СССР термин «классовый характер» в риторике правоведов и представителей других общественных наук сохранился, но как минимум при описании преступности и особенностей уголовного законодательства он стал пониматься иначе.

Во-первых, на смену политической идеологичности права и вообще понимание права как воли господствующего класса, возведенной в закон, пришли тезисы об идеологическом плюрализме и необходимости защиты общечеловеческих ценностей, о естественных правах, имеющих до- и надгосударственное происхождение.

Во-вторых, государство мыслится как некий арбитр, который должен с помощью законов установить целесообразный баланс прав, обязанностей и законных интересов разных социальных групп, а также защиту общесоциальных ценностей. Это следует в том числе из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и позиции Конституционного Суда РФ по вопросам пределов полномочий федерального законодателя в области уголовного права.

В-третьих, понимание класса изменилось на подход, характерный для М. Вебера с учетом трудов П. А. Сорокина, Дж. Бернхема, Д. Гилберта и некоторых других социологов. В такой парадигме класс — это социальный слой общества, которое является открытым и обладает каналами вертикальной мобильности, позволяющими индивиду менять свое классовое положение. Для описания и демаркации класса помимо отношения к основным средствам производства используются престиж (профессии, например), доступность культурных ценностей данного общества, получаемый доход, возможности влияния на политику. В таком виде «класс» оказывается синонимом «страты», классовая структура — это модель стратификации общества, и потому постановка проблемы «классовости» или «классового характера» в действительности высвечивает вопросы социального неравенства в обществе, которое неизбежно и постоянно расслаивается в процессе своего развития.

Следует отметить, что в конечном итоге автор настоящей статьи также намечает пути решения проблемы именно неодинаковости уголовно-правового воздействия на разных общественных стратах, попутно показывая то, как меняется смысловая нагрузка термина «классовость» в соответствующем дискурсе в кругу правоведов. Сама же эта проблема хорошо известна как в России, так и за рубежом⁹.

В-четвертых (и это закономерно вытекает из сказанного выше), в сложившейся парадигме понимания государства и права, пожалуй, на первый план вышли принципы равенства и справедливости. Теперь, говоря о классовости в уголовно-правовом контексте, правоведы приводят примеры необоснованной декримина-

⁸ Лясс Н. В. Проблемы вины и уголовной ответственности в современных буржуазных теориях.

⁹ Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. С. 45; Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизации и тенденции развития: монография / М. М. Бабаев, А. В. Звонов, Р. В. Килимбаев, Л. Л. Кругликов, В. Ф. Лапшин, Ю. Е. Пудовочкин, С. В. Розенко; под ред. В. Ф. Лапшина. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 66–67, 100–111 (автор главы — Ю. Е. Пудовочкин), и др.

лизации и депенализации ряда деяний (в первую очередь в сфере экономической деятельности), широкую практику установления в санкциях статей УК РФ наказания в виде штрафа в качестве альтернативы лишению свободы, практику установления специальных оснований для освобождения от уголовной ответственности по некоторым преступлениям, широкие рамки судебного усмотрения и т. д.¹⁰

А. В. Наумов в этой связи указывает, что по целому ряду преступлений в действительности бессмысленно искать классовую природу, поскольку они защищают как раз общечеловеческие ценности и никак не связаны с перераспределением капитала и власти; в то же время ряд преступлений совершается вполне определенным контингентом (например, малоимущими или неимущими), и «в этом случае уголовный закон направлен именно и только против этой категории граждан»¹¹. Вместе с тем Наумов полагает, что наличие таких примеров в уголовном законе не должно возвращать нас к подходу, когда классовость официально признавалась основополагающим началом уголовной политики¹² (судя по всему, в прежнем понимании классовости. — *В. Ш.*).

Можно ли в настоящее время говорить о том, что уголовный закон или практика его применения являются классовыми в прежнем понимании, т. е. что они представляют собой орудие угнетения и эксплуатации широких народных масс со стороны неких элит? Являются ли приводимые примеры разности в наказуемости деяний в рамках одного кодекса нарушением принципа равенства граждан перед законом? Устранимо ли такое неравенство?

Ставя такие вопросы, мы затрагиваем очень серьезный клубок проблем, по которым не существует однозначного решения, а есть концепции, опирающиеся на разные теоретико-методологические подходы и выстраивающие ту или иную модель уголовной политики.

Не имея возможности подробно остановиться на этих нюансах в рамках настоящей работы ввиду их выхода за предмет исследования, считаем необходимым отметить следующее. Прежде всего, Россия в настоящее время развивается в парадигме, которую можно охарактеризовать как капиталистическую с элементами рыночной экономики, т. е. в стране реализуется политико-экономическая модель, которая напоминает ранние формы либеральной демократии (в период СССР было принято называть эти формы буржуазной демократией).

Вместе с тем за время, прошедшее с момента подготовки и осуществления демонтажа социалистической демократии, четкая классовая структура общества (в узком понимании, характерном для западной социологии) как таковая еще не сложилась. По-прежнему сильны процессы борьбы разных социальных групп за место в системе вертикальной социальной стратификации, а также процессы внутриклассовой борьбы на разных уровнях. В частности, возникают новые крупные социальные группы, которые вполне претендуют на статус «класс в себе», и государству необходимо с этим считаться¹³.

¹⁰ *Сабитов Р. А., Сабитов Т. Р.* О несоответствии некоторых норм УК РФ принципу равенства граждан перед законом независимо от имущественного и должностного положения // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2012. № 29. С. 69–74; *Шестаков Д. А.* Теория преступности и основы отраслевой криминологии: избранное. СПб., 2015. С. 326–327, и др.

¹¹ *Наумов А. В.* Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 270–272.

¹² *Наумов А. В.* О реальности научной концепции уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 28 сент. 2012 г.: в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2012. Т. 1. С. 32–33.

¹³ *Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В., Орехова И. М.* Противоречия и проблемы модернизации социальной структуры современного российского общества // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 17 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2019. С. 314–316, 320–321.

В этих условиях уголовный закон сложно назвать орудием господствующего класса, инструментом целенаправленного удержания нижестоящих и угнетенных слоев населения в их обделенном положении. В гораздо большей степени УК РФ напоминает поле борьбы, где разные социальные группы, в том числе представленные в органах законодательной власти, отстаивают свои интересы и ущемляют интересы конкурентов. Яркими примерами являются метания между усилением репрессивной риторики в отношении бизнесменов и всемерной заботой о защите предпринимателей от избыточного давления со стороны бюрократического аппарата; между ослаблением уголовно-правовой охраны личности и ее усилением; между расширением объема уголовно-правового понятия экстремистской деятельности и его сокращением и т. д.

Борьба между разными социальными группами идет и «на полях» Конституции РФ. Глава Внешэкономбанка России И. И. Шувалов в феврале 2020 г. в ходе пленарного заседания международной конференции «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» предложил рабочей группе по подготовке изменений Основного закона страны следующее: «Мое обращение <...> — рассмотреть возможность определения в Конституции, в высшем законодательном акте РФ, предпринимательства как деятельности, которая связана с образованием ценностей. Это ценная деятельность, и люди, осуществляющие предпринимательскую деятельность, — передовой класс тех, кто создает новую Россию»¹⁴.

В уголовном законе нередко появляются и такие запреты, в которых слабо проработана как диспозиция, так и конструкция санкции, поскольку они были разработаны наспех. Подобные случаи зачастую вызваны конъюнктурными соображениями и призваны продемонстрировать обществу быструю и жесткую реакцию власти на определенную (в ряде случаев гипертрофированную) проблему, а не стремлением закрепить некое приоритетное либо угнетенное положение каких-то социальных групп.

Можно сказать, что нестабильность социальной структуры нашего общества должна возлагать еще больше обязанностей на государство в вопросах установления баланса между интересами всех, в том числе и в сфере уголовного права. Значит, вопрос равенства граждан перед законом и судом тем более актуален.

Но в таком случае необходимо понимать особенности прочтения принципа равенства в условиях либеральной (буржуазной) идеологии. А. М. Михайлов отмечает, что «в наибольшей мере естественно-правовые идеи актуализируются в деятельности Конституционного Суда России, поскольку “центральное ядро” правовой основы его деятельности, Конституции РФ, составляют принципы естественно-правовой идеологии... Помимо этого, некоторые идеи и ценности классического юснатурализма (формальное равенство, свобода личности, судебная защита прав и др.) за последние двести лет стали восприниматься — в рамках западной цивилизации — как самоочевидные истины обыденным правосознанием... и императивно нормируют юридические практики современности. В этом отношении достаточно указать хотя бы на то, что представление о естественном праве как совокупности неотчуждаемых прав человека, данных ему по факту рождения, выступает своего рода аксиомой не только профессионального правосознания российских юристов, но и некоторых слоев российского общества»¹⁵.

---

¹⁴ Шувалов хочет внести в Конституцию понятие бизнеса как создающий новую РФ передовой класс // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/7817431> (дата обращения: 24.02.2020).

¹⁵ Михайлов А. М. Философия права: классический юснатурализм и историческая школа юриспруденции: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. С. 20–21.

Вместе с тем даже родоначальники либеральной правовой мысли понимали равенство весьма специфично. Например, Вольтер (Voltaire), говоря о равенстве, подразумевал лишь формальное равенство перед законом, т. е. установление равной для всех гражданской правоспособности. К равенству общественного положения он относился отрицательно: «В нашем несчастном мире не может быть, чтобы люди, живя в обществе, не разделялись бы на два класса, один класс богатых, другой — бедных»¹⁶. При этом он был убежден в том, что политическая власть и руководство обществом должны оставаться в руках меньшинства: «Если чернь приметя рассуждать — все погибло»¹⁷.

Размышления Ж.-Ж. Руссо (J.-J. Rousseau) о равенстве, государстве и праве оказали существенное влияние на политико-правовую мысль, а также на буржуазное революционное движение в Европе. Конструкция общей воли, предложенная Руссо и выражающая, по его мнению, интересы всего общества, рассматривала свободу гражданина через необходимое подчинение его частной воли этим общим интересам. Такой подход в совокупности с представлениями об особенностях догосударственного периода общества позволил философу выдвинуть тезисы о необходимости относительного имущественного равенства и предложить пути законодательного решения социального неравенства. Однако эти идеи Руссо вошли в серьезное противоречие с европейским протестантским мировоззрением, в особенности с духом индивидуализма, рационализма, ценностью частной собственности, достатка и вектора движения к успеху через предприимчивость¹⁸. В итоге процессы культурно-символического обмена в европейском обществе и процесс перехода к капиталистической формации проходили по логике, отличающейся от представлений Руссо по целому ряду ключевых вопросов.

П.-А. Гольбах (P.-H. T. d'Holbach) высказывался против слишком большого неравенства в распределении богатств, считая его источником всех социальных бедствий. При этом он защищал интересы средних и мелких собственников, полагая, что интерес государства связан с интересами большинства (а мелких и средних собственников больше, нежели крупных), и требуя, чтобы большинство граждан было занято полезным трудом и обеспечено благосостоянием.

При этом неравенство среди людей, по Гольбаху, явление вполне естественное, так как, во-первых, проистекает из различий между ними, а во-вторых, оно не вредно, а даже полезно, поскольку побуждает людей к деятельности в своих интересах¹⁹. Он писал: «Люди никогда не были равными... Это неравенство людей еще больше бросается в глаза, когда речь заходит о человеческих способностях, называемых духовными или интеллектуальными... Человек слабый физически или умственно всегда был вынужден признавать превосходство более сильного, одаренного, предприимчивого и искусного, более развитого духовно...»²⁰; «Именно то, что люди неодинаковы, побуждает и даже принуждает их обращаться друг к другу и оказывать взаимную помощь... неравенство сил и способностей заставляет людей объединяться ради общего блага... Человек, слабый телесно, но одаренный

¹⁶ Державин К. Н. Вольтер. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. С. 275.

¹⁷ См.: Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений: учебник. М.: Норма, 2009. С. 311.

¹⁸ Клеймёнов И. М. Сравнительная криминология: монография. М.: Норма; Инфра-М, 2012. С. 171–172.

¹⁹ История политических и правовых учений: учеб. пособие / под ред. В. П. Малахова, Н. В. Михайловой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 155–158.

²⁰ Гольбах П. Избр. произв.: в 2 т. Т. 2. / Ин-т философии АН СССР, пер. с фр., под общ. ред. Х. Н. Момджяна. М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1963. С. 102.

умственно, будет руководить физически крепким человеком и предоставит ему возможность с пользой применить силы для его же собственного счастья»²¹.

В этих условиях равенство определялось Гольбахом через равное положение перед законом в схожих ситуациях, т. е. речь опять же идет о формальном равенстве: «Если законы существуют для того, чтобы устанавливать справедливое равновесие между гражданами государства, если они должны служить средством против неудобств, которые могли бы возникнуть вследствие природного неравенства людей, то освобождение от послушания закону делает эти соображения бесполезными; исключения усиливают неравенство»²².

Из свободы мыслитель выводил ряд прав (и обязанностей) со стороны властей. Прежде всего он указывал на необходимость охраны личности и частной собственности граждан. Следовательно, обложение налогами (а это форма перераспределения общественного продукта), по Гольбаху, должно устанавливаться с согласия самих граждан. Распределение собранных налогов должно соответствовать требованиям справедливости, а правительство должно отчитываться в расходовании поступающих сумм. Он писал, что «король является разбойником и взяточником, если он применяет силу, чтобы вырвать имущество у народа, не обеспечивая ему взамен никаких выгод и преимуществ»²³.

В связи со сказанным следует обратить внимание на то, как трактует принцип равенства Конституционный Суд РФ: он называет его «юридическим равенством»²⁴, а систему права настраивает таким образом, чтобы разные группы граждан не сталкивались с правовыми препятствиями в реализации своих прав и законных интересов, если такие препятствия не вызваны необходимостью соразмерной защиты конституционно-значимых ценностей. Другими сторонами равенства Конституционный Суд РФ называет «одинаковый подход к лицам, находящимся в равных или сходных условиях», а также «что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть определены в законе таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий, бездействия»²⁵.

Конституционный Суд РФ, подходя с таких позиций, неоднократно выявлял нарушения принципа равенства в законодательстве либо в сложившейся правоприменительной практике. Однако это равенство остается формальным (юриди-

---

²¹ Там же. С. 103.

²² Там же. С. 193.

²³ Там же. С. 194–195.

²⁴ Пункт 2.1. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru; Пункт 2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru и др.

²⁵ По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда: Постановление Конституционного Суда от 25 апр. 2018 г. № 17-П // Росс. газ. 11.05.2018. № 100 (7563).

ческим). В социальном неравенстве граждан и в возможностях вертикальной социальной мобильности принято усматривать основания для права на развитие²⁶.

Таким образом, различия между степенью репрессивности разных статей и разных глав Особенной части УК РФ, между более гуманным либо, напротив, более суровым подходом к лицам, обладающим какими-то типовыми правовыми признаками, Конституционный Суд России объясняет дифференциацией юридической ответственности: «...в зависимости от существенных обстоятельств, влияющих на выбор той или иной меры государственного принуждения... предусматривая конкретный вид юридической ответственности, федеральный законодатель обязан соотносить его с характером правонарушения, опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, с личностью и степенью вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств»²⁷.

И напротив, отсутствие такой дифференциации может свидетельствовать о нарушении баланса конституционно значимых ценностей, о несправедливости, несоразмерности мер государственного принуждения. Поскольку принципы формального (юридического) равенства с дифференциацией ответственности являются средствами деления общественно опасных деяний и лиц, их совершивших, на группы по типовым признакам, постольку для достижения требований справедливости и соразмерности судам общей юрисдикции предоставлены инструменты индивидуализации правовых последствий совершенного преступления, в том числе нормы об освобождении от уголовной ответственности²⁸ или назначения менее строгого наказания, чем предусмотрено за такое преступление²⁹. Само их наличие или отсутствие в определенных главах уголовного закона не нарушает принципа юридического равенства и может быть связано с представлениями законодателя о степени значимости охраняемых общественных отношений, а также с избранной моделью их правового регулирования.

Иными словами, законодатель принимает меры к уголовно-правовой охране жизни, здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности (весьма суровые), а также к охране отношений собственности, однако при этом он не связан санкциями из статей этих глав уголовного закона или размерами крупного, особо крупного ущерба и не обязан распространять их на другие главы, предназначенные для правового регулирования других общественных отношений.

Означает ли сказанное, что уголовный закон в условиях буржуазного общества может быть надклассовым, а практика его применения отвечать также критериям равенства и справедливости? Полагаем, что такое возможно, однако для этого необходимо решить еще одну проблему.

²⁶ Статьи 2, 8 Декларации ООН «О праве на развитие»: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 41/128 от 4 дек. 1986 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения: 19.02.2020).

²⁷ По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда: Постановление Конституционного Суда от 25 апр. 2018 г. № 17-П // Росс. газ. 11.05.2018. № 100 (7563).

²⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Каневского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности статьи 76 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.07.2004 г. № 256-О // Референт: Правовая система нового поколения. URL: <http://www.referent.ru/7/66727> (дата обращения: 18.02.2020).

²⁹ *Гаджиев Г. А.* Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 12.

Современное российское уголовное законодательство и уголовно-правовая доктрина, отказавшись от классового подхода в его марксистском понимании, методологически и умозрительно предполагают бесклассовость общества, исходят из вероятности совершения любого преступления любым лицом, обладающим признаками общего субъекта, а в ряде случаев — специального.

На подобных началах строится и подход к созданию санкций уголовно-правовых норм (процесс пенализации). Набор наказаний и их размеры в санкциях статей Особенной части УК РФ зависят от взаимодействия двух переменных. С одной стороны, это представления о разном карательном и превентивном потенциале различных видов уголовного наказания, а с другой — представления о характере и степени общественной опасности преступлений конкретного вида (предусмотренных диспозицией конкретной статьи).

Дифференциация уголовной ответственности по частям в одной и той же статье Особенной части УК РФ построена на принципе пошагового усиления карательных свойств санкции³⁰: «Характер и типовая степень общественной опасности деяния и типовая степень общественной опасности лица, его совершившего, являются основанием дифференциации уголовной ответственности... Типовая степень общественной опасности отражается в санкции уголовно-правовой нормы»³¹. Соответственно с каждой последующей ступенью дифференциации последовательно исключаются наказания, не связанные с лишением свободы, которые могли бы быть назначены в качестве основных; повышается верхний и (или) нижний пороги лишения свободы на определенный срок; появляются кумулятивные санкции, дополнительные наказания³², а на крайней ступени дифференциации по необходимости подключается арсенал пожизненного лишения свободы.

Важно обратить внимание и на саму систему уголовных наказаний. Принято считать, что ее системность выражена в первую очередь в иерархичности мер государственного принуждения, когда последовательно изменяется их строгость для поражения разных благ, прав, законных интересов: от наименее значимых к наиболее ценным. Отсюда и берутся представления о разном карательном потенциале наказаний разных видов. Например, штраф признается самым мягким видом уголовного наказания, обязательные работы — более строгим, исправительные работы являются более строгими, нежели обязательные работы, и т. д. Лишение свободы и пожизненное лишение свободы оказываются одними из наиболее строгих наказаний в этой системе.

Кроме того, уголовно-правовая доктрина основывается на постулате, что уголовный закон и наказания, предусмотренные за преступления, имеют сдерживающий и исправляющий эффект, если они поражают значимые для виновного права и законные интересы. Соответственно, чем значимее та социальная ценность, то право или интерес, которые могут быть ограничены, тем суровее считается наказание³³, а в сочетании с размером или длительностью наказательных правоохра-

---

³⁰ Спиридонова О. Е., Кругликов Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб: Юридический центр, 2005. С. 60.

³¹ Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 66.

³² Кругликов Л. Л. Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 63–64 (автор главы — Л. Л. Кругликов); Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 1998. С. 317–329, и др.

³³ Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизации и тенденции развития... С. 198–210 (авторы главы — А. В. Звонов, С. В. Розенко).

ничений законодатель получает возможность обеспечить соразмерность санкций и преступлений с разным характером и степенью общественной опасности.

В таких правилах пенализации наглядно проявляет себя внутренняя логика и стройность умозаключений, однако практически нет места достижениям криминологии, других современных общественных наук, равно как и обратной связи с результатом применения уголовного закона.

Анализ системы наказаний в УК РФ позволяет утверждать, что она опирается на некоторую модель индивида (ближе к стандартам советского человека), для которого на первом месте находится жизнь, затем — личная свобода, далее следует свобода труда с его справедливой оплатой и лишь в последнюю очередь — личное имущественное состояние.

Можно сказать, что здесь заложена общепринятая иерархия общечеловеческих (и конституционно значимых) ценностей, однако на самом деле это не так. Выше мы упоминали, что мыслители эпохи Просвещения высоко ценили частную собственность и считали ее защиту приоритетной наряду с жизнью. Неслучайно подавляющее большинство современных капиталистических стран обеспечивают гарантии защиты частной собственности, не считая ее наименее значимой ценностью (интересом).

Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что перечни уголовных наказаний в таких странах сложно упрекнуть в разнообразии: наряду с лишением свободы встречаются аналоги российских наказаний в виде обязательных работ, ограничения свободы, запрета заниматься определенной деятельностью. И повсюду предусмотрен штраф, размеры которого оказываются весьма внушительными, так что его сложно называть гуманным наказанием. В § 43а УК ФРГ и вовсе имеется вариант штрафа в размере имущественного состояния подсудимого (имущественный штраф) — для нашей правовой традиции это является прежним вариантом конфискации имущества³⁴.

Здесь можно возразить: вне зависимости от того, в каком порядке расположены наказания в уголовном законе, а также от того, как расставлены приоритеты между разными конституционно значимыми ценностями в конституции, люди всегда стремятся жертвовать сначала менее значимыми правами и интересами, чтобы сберечь более значимые. А это как раз жизнь, личная свобода — ради них можно пожертвовать имущественным положением. Значит, система наказаний и логика пенализации в статьях УК РФ в своей основе выстроены правильно.

С этим можно было бы согласиться, если бы не фактическое положение дел, хорошо прослеживаемое из результатов социологических наблюдений.

Во-первых, важно понимать, что социальные ценности как духовно-идеальные образования (отдельного индивида, социальной группы или народа в целом) — отнюдь не застывшие метафоры, о которых можно рассуждать отвлеченно. Они выражают отношение к окружающему миру и образуют иерархию ценностных предпочтений³⁵. Иными словами, это синоним матрицы равнодушия человека или группы людей к разным аспектам действительности, инструмент придания смысла и значимости.

Во-вторых, социальная ценность осознается и переживается по-настоящему либо в случаях, когда важный, необходимый для сохранения объект отсутствует,

---

³⁴ Уголовный кодекс ФРГ // ОКpravo. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-%D1%84%D1%80%D0%B3.html> (дата обращения: 24.02.2020).

³⁵ Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 84.

либо когда существует угроза утраты того, что человеку важно³⁶, либо в ситуации выбора, когда чем-то нужно пожертвовать ради чего-то другого. По этой причине официозная риторика о приоритетности каких-то ценностей может совершенно не соответствовать действительным жизненным ориентирам индивида, предпочтениям и устойчивым моделям его поведения. Об этом убедительно писал еще П. А. Сорокин³⁷.

Социологические наблюдения первого десятилетия 2000-х годов показывали, что для населения России наиболее приоритетными стали ценности, которые описываются как «власть — богатство», личный успех и социальное признание (при этом весьма низкими являются ценность труда, творчества и новаторства)³⁸. Здоровье и жизнь не были безусловным приоритетом. В частности, лишь половина обследованных респондентов из числа молодежи утверждали о недопустимости причинения смерти другому человеку, в то время как остальные считали такое допустимым (вне законных полномочий) в принципе либо при определенных жизненных обстоятельствах³⁹.

Следует заметить, что отношение к здоровью как ценности варьирует в зависимости от имущественного положения. У слоев населения, расположенных от нижних страт среднего класса и ниже, в том числе у экономически активных граждан, эта ценность является в основном инструментальной, т. е. ей готовы жертвовать ради заработка и личного успеха. У состоятельных граждан значение здоровья (своего) существенно возрастает⁴⁰.

Примечательно то, как граждане соблюдают ограничения, введенные в России в связи с угрозой пандемии коронавирусной инфекции. Публикации в СМИ, в том числе выступления представителей органов государственной власти, а также формирующаяся практика применения ст. 6.3. и 20.6.1 КоАП РФ, подтверждают наблюдения социологов⁴¹. Говоря терминами Р. К. Мертон (R. K. Merton), для не-малого числа россиян, к сожалению, приоритетным оказалось не здоровье, а то, что связано с заработком и досугом, и в ситуации рассогласованности значимых целей и средств их достижения оказалось распространена инновация. Модель отношений, в которых приоритетной ценностью должно являться эпидемиологическое благополучие, а в конечном итоге здоровье и жизнь, была многими отвергнута, порой демонстративно⁴².

Сказанное означает, что в российском обществе человек, его права и свободы считаются высшей ценностью преимущественно в отношении себя, а большин-

³⁶ См. об этом: *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93). С. 34.

³⁷ *Сорокин П. А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. С. 143, 154–155.

³⁸ *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения... С. 47.

³⁹ *Петров А. В.* Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений. С. 86.

⁴⁰ *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения... С. 47.

⁴¹ В Москве за нарушение самоизоляции выписали штрафов на 50 млн рублей // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4323591> (дата обращения: 01.05.2020); *Рябова Д.* Россияне стали больше нарушать режим самоизоляции // РИА URA.RU. URL: <https://ura.news/articles/1036280069> (дата обращения: 01.05.2020); *Ежова Ю.* Попова допустила усиление ограничительных мер после 12 мая // Профиль. URL: <https://profile.ru/news/society/v-rospotrebnadzore-dopustili-usilenie-ogranichitelnykh-mer-posle-12-maya-298561/> (дата обращения: 01.05.2020), и др.

⁴² *Денисенко К., Скоробогатый П.* Россия выпустила пар против изоляции // Эксперт-онлайн. URL: <https://expert.ru/2020/05/1/rossiya-vyipustila-par-protiv-izolyatsii/> (дата обращения: 01.05.2020); Песков заявил, что акция протеста во Владикавказе была незаконной // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8293847> (дата обращения: 01.05.2020).

ство населения рассматривают их как инструментальные ценности, которые даже если и важны, однако стоят ниже личного социального успеха, власти и богатства. В этой связи небезынтересным видится анализ актуальных проблем российского общества по состоянию на весну 2018 г.: в топе таковых оказалось здравоохранение и доступ к качественной медицинской помощи. Однако в сути этой проблемы лежит не только и не столько отсутствие качественных медицинских услуг, а недоступность их бесплатных вариантов на фоне платных аналогов. Иными словами, значительная часть граждан на фоне кризисных явлений переживают из-за того, что забота о здоровье вынуждает их расходовать больше дополнительных средств и грозит переходом в более низкие социальные страты⁴³.

Равенство подавляющим большинством населения рассматривается в формальном аспекте, т. е. через равенство возможностей, а не фактического благосостояния. Высокие показатели индивидуализма и эгоизма находятся в интересном сочетании с неискренностью (одобрение лжи во благо), неготовностью жертвовать личным комфортом и благополучием в общественных интересах, а также в сочетании с одобрением возможности передела имущества⁴⁴.

Этим подкрепляется общая индивидуалистическая и корыстная мировоззренческая установка большей части населения, готовность обогащаться при минимальном вложении собственных усилий, в том числе причиняя вред другим участникам общественных отношений.

Отмечается, что у россиян «крайне слабо выражены надличные ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, о равноправии и терпимом отношении к ним, а также с заботой об окружающей среде, и, наоборот, крайне высока значимость противостоящих им “эгоистических” ценностей»⁴⁵.

Весьма примечательными в этом плане являются высокие оценки значения самостоятельности, возможности жить, не оглядываясь на мнение других, быть яркой индивидуальностью при одновременной важности такой характеристики индивида, как нравственность⁴⁶. А. В. Петров считает это амбивалентностью общественного сознания, когда между собой сочетаются эгоизм и альтруистические установки⁴⁷. На наш взгляд, объяснение этому феномену находится в другой плоскости: хотя нравственность как ценность среди респондентов обозначилась достаточно ярко, она тем не менее приобрела иное звучание в сочетании с индивидуализмом, стремлением к самостоятельности и сниженной готовностью помогать другим. Теперь «порядочность», «нравственность» рассматриваются большинством через призму «спокойной совести и душевного комфорта» — это обстоятельство подметил сам Петров⁴⁸.

Такая конструкция ведет к редукции разного рода общенародных моральных императивов, религиозных норм, что позволяет не корректировать свое поведение и снимать возможный когнитивный диссонанс, вызванный несоответствием своих

---

⁴³ Российское общество после президентских выборов-2018: запрос на перемены: информационно-аналитический доклад / М. К. Горшков, В. А. Аникин, Л. М. Дробижина, Н. Е. Тихонова и др. М.: ФГБУН ФНИСЦ РАН, 2018. С. 20. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Ros_obschestvo_posle_prezident_vyborov_2018.pdf (дата обращения: 27.04.2020).

⁴⁴ Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений. С. 87–88.

⁴⁵ Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения... С. 47–48.

⁴⁶ Такие противоречивые, казалось бы, показатели значимых аспектов разных сторон жизни выявлены социологами и в 2017–2018 годах. Об этом см.: Российское общество после президентских выборов-2018...

⁴⁷ Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений. С. 89.

⁴⁸ Там же.

поступков этим социальным нормам⁴⁹. Таким образом, если молодой человек в общественном транспорте не уступает место женщине, особенно пожилой или беременной, то он может не испытывать никаких моральных угрызений и считать себя вполне порядочным индивидом.

В результате мы можем говорить о низкой социальной значимости таких явлений, как «общественная нравственность», «общественный порядок», «общественная безопасность», «интересы правосудия», «конституционный строй», «безопасность государства», «общественное здоровье», если эти явления не касаются непосредственно конкретного индивида. Социологические исследования последних лет (с 2014 г.) фиксировали некоторое увеличение их значимости (триада справедливости, державности и демократии), однако по-прежнему «в основе “пирамиды” жизненного успеха молодежи и россиян наиболее активного трудоспособного возраста лежит материальный достаток»⁵⁰, текущее положение дел воспринимается ими преимущественно критично, возник запрос на перемены в вопросах внутренней политики, усталость от ощущения жизни «в кольце врагов», запрос на более активную роль государства в обеспечении возможностей достойного заработка, социальной справедливости⁵¹.

Одновременно россияне характеризуются очень высоким уровнем тревожности, неуверенностью в безопасности, не готовы к риску⁵². Примечательно, что более обеспеченные слои населения мало полагаются в этом вопросе на государство, а менее обеспеченные ожидают от публичных органов власти большей помощи в защите своих интересов⁵³.

В сочетании с низким показателем готовности вникать в проблемы других людей, высоким показателем индивидуализма и социальной конкуренции, низкой терпимостью к «инаковости» российское население склонно к ригоризму, ожидает принятия более суровых мер ответственности к нарушителям (в особенности к представителям других социальных групп).

Результаты последних волн Европейского социального исследования (именно на такие данные опирались В. Магун и М. Руднев) позволяют говорить, что хотя в 2016–2017 гг. имелись некоторые колебания в ценностных ориентациях россиян, однако на тренде 2014–2018 гг. все основные тенденции и особенности, описанные выше, сохранились⁵⁴.

Из приведенных наблюдений можно вывести множество умозаключений. Например, криминализация и серьезная пенализация так называемых преступлений без жертв в целях правовой охраны общенациональных и наднациональных интересов (ценностей) не имеет надлежащей социальной базы. Некоторыми исключениями могут быть запреты на такие действия, которые вызывают страх у боль-

---

⁴⁹ Значительная часть населения выступает против распространения влияния религии за пределы клерикальной жизни. Об это см.: Горшков М. К. Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контексте // Российский научный фонд. URL: https://rscf.ru/prjcard_int?17-28-00010 (дата обращения: 25.04.2020).

⁵⁰ Там же; Российское общество после президентских выборов-2018...

⁵¹ Там же.

⁵² Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения... С. 45.

⁵³ Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений. С. 87.

⁵⁴ Таблица для волны 7, Таблица для волны 8; Таблица для волны 9 // Европейское социальное исследование в России: URL: http://www.ess-ru.ru/fileadmin/templates/doc/Wave_7_-2014/Comparative_labels_wave7-2014_rus-ver2.zip; http://www.ess-ru.ru/fileadmin/templates/doc/Wave_8_2016/Comparative_labels_wave8-2016_rus-all_countries.zip; http://www.ess-ru.ru/fileadmin/templates/doc/Wave_9_2018/Comparative_labels_wave9-2018_rus.xls (дата обращения: 22.04.2020).

шинства, и потерпевшая сторона подразумевается, хотя не обозначена напрямую, в диспозиции статьи УК РФ.

Другой вывод: либерализация уголовного законодательства находит поддержку только в социальных группах, которых она непосредственно касается, и негативно сказывается на чувстве безопасности, равенства и стремления к личному успеху у всех остальных.

Еще один вывод: протестные настроения в настоящее время не имеют действительного революционного потенциала ввиду высокой атомизации общества, а потому (без серьезной организующей политической силы) представители недовольных слоев населения не готовы жертвовать имеющимся уровнем благ (даже при их минимуме) ради благополучия других граждан, в том числе ради будущих поколений⁵⁵.

Но главное — иерархия системы социальных ценностей, положенная в основу системы уголовных наказаний и практики пенализации, оторвана от действительности. Например, личное материальное состояние преимущественно оказывается превыше всего. Заметим, что разработчики поправок к УК РФ, принятых в последние семь лет, это обстоятельство знают, а потому в уголовном законе появились штрафы в размере до трех миллионов рублей в санкциях к преступлениям небольшой тяжести, а также в размере до пятисот миллионов рублей в тяжких и особо тяжких преступлениях (см. УК РФ: ст. 128¹; ч. 2 и 3 ст. 171²; ст. 171³, 172¹, 172², 172³; ч. 3 и 4 ст. 194, ст. 204, 290 и др.).

Однако можно ли в нашем обществе, а теперь и опираясь на текст УК РФ, утверждать, что штраф в сумме полтора миллиона рублей является менее строгим наказанием, чем 180 часов обязательных работ или год исправительных работ? Очевидно, что нет, и это обстоятельство признают видные российские правоведы⁵⁶. Другой пример: в ст. 230² УК РФ штраф в размере до миллиона рублей является эквивалентом ограничению свободы на два года либо лишению свободы на один год (оно может быть назначено условно).

Отечественный УК изобилует совершенно разным соотношением размера штрафа как основного наказания с обязательными работами и лишением свободы (ст. 115, 116¹, 125, 128¹, 133 УК и т. д.).

В целом ряде статей УК РФ (ч. 2 и 3 ст. 137; ч. 2 и 3 ст. 145¹; ч. 2 ст. 151²; ч. 2 и 3 ст. 158; ст. 158¹; ч. 3 и 5, 6 ст. 159; ч. 1 ст. 228; ст. 234 и др.) штраф в сравнительно небольшом размере является альтернативой другим наказаниям, в том числе лишению свободы. Учитывая правила назначения штрафа (ч. 2 и 3 ст. 46 УК РФ), создается ситуация, когда неимущему правонарушителю назначается другое наказание (например, лишение свободы), поскольку штраф он выплатить не может, а для обеспеченного правонарушителя тот же самый штраф является небольшим и его уплата проблем не создает.

---

⁵⁵ Скорее всего, это положение дел может быть изменено при организующей политической силе и по результатам планомерной идеологической, пропагандистской работы. Подобные выводы следуют и из результатов социологических наблюдений: Горшков М. К. Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контексте.

⁵⁶ См., напр.: Парог А. И. Состояние российской системы уголовных наказаний // Современные проблемы уголовной политики: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 28 сент. 2012 г.: в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2012. Т. 1. С. 37; Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизации и тенденции развития... С. 67 (автор главы Ю. Е. Пудовочкин).

Соответствует ли такой подход сложившейся системе социальных ценностей и фактической парадигме молодого капиталистического общества? По всей видимости, нет.

Во второй половине XX в. в странах Северной Америки и Европы большое распространение получил экономический подход к уголовному праву. В соответствии с ним рекомендуется в максимальной степени использовать потенциал имущественных наказаний (штрафов), но они должны быть серьезным бременем или антистимулом для правонарушителя⁵⁷.

Популярность этой теории была закономерной. Во-первых, в большинстве буржуазных обществ второй половины XX в., а во многом и сейчас успех ассоциируется с достатком⁵⁸. Принадлежность к той или иной социальной страте также существенным образом связана с доступностью источников для получения дохода и наличными фондами домохозяйства. Значит, серьезные денежные взыскания, вызванные фактом привлечения к уголовной ответственности, оказывают пагубное влияние на социальное положение индивида и с высокой вероятностью способны его деклассировать, а точнее — перевести в более низкие социальные страты. С позиции протестантского мировоззрения (а его элементы до сих пор находятся в центре культуры стран Северной, Западной, Центральной Европы, США и Канады⁵⁹) такие последствия представляются очень неблагоприятными, а значит, способны оказывать сильное влияние на мотивацию поведения индивидов. Во-вторых, содержание органов уголовной юстиции — затратная задача. В таком случае правоохранительная деятельность начинает рассматриваться как услуга, которая должна если не окупаться, то по крайней мере каким-то образом компенсироваться. Соответственно, большое количество штрафных санкций и большие размеры штрафов позволяют снизить расходы на поддержание правопорядка и профилактику преступности.

Следует заметить, что уголовным законодательством развитых капиталистических стран штрафы часто устанавливаются, во-первых, без конкретных размеров в статьях Особенной части, а во-вторых, они назначаются по усмотрению суда, причем в обязательном порядке, по преступлениям корыстной направленности. Размер штрафа определяется с учетом имущественного положения подсудимого или возможности получения заработка (например, так называемые штрафодни, когда подсудимый обязан ежедневно заработать и заплатить определенные и вполне существенные суммы штрафа), но он должен быть значимым для подсудимого. По преступлениям корыстной направленности штраф назначается в размере незаконного обогащения, на которое претендовал подсудимый, и даже в четырехкратном размере такого предполагаемого обогащения. Достаточно подробно в законодательстве капиталистических стран урегулированы механизмы взыскания штрафа, в том числе его замены на другое наказание. В Израиле и вовсе предусмотрены большие проценты за просрочку или рассрочку уплаты штрафа⁶⁰.

---

⁵⁷ Беккер Г. С. (Becker G. S.) Человеческое поведение. Экономический подход / пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 313–328.

⁵⁸ Хотя понимание достатка и отличается от понимания *богатства* в современном российском обществе. В первом случае подразумевается достаточный набор благ для комфорта при высокой конформности (чтобы как у всех), в то время как во втором случае (и это характерно для России) мы видим стремление к излишеству и показному достатку, подчеркивающему элитарность, отличность обладателя богатств от остальных. Об этом см.: Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения... С. 47–58.

⁵⁹ Клеймёнов И. М. Сравнительная криминология... С. 104, 107–109, 171–174.

⁶⁰ Закон об уголовном праве Израиля / постатейн. пер. с иврита М. Дорфмана, 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Директ-Медиа, 2010. С. 68–69 (ст. 66, 67, 68).

Конечно, сам вопрос функций уголовного права и целесообразности увлечения штрафными санкциями заслуживает отдельного внимания. Тем не менее опыт законодательства зарубежных капиталистических стран и современная система социальных ценностей в России дают много оснований для кардинального пересмотра существующей системы уголовных наказаний и правил пенализации преступлений.

Разумеется, даже в случае согласия с нашими выводами нельзя не отметить, что иерархия социальных ценностей в российском обществе не является стандартным шаблоном: она показывает существенные вариации от страты к страте. Это совершенно закономерное явление с точки зрения современной социологии, однако оно порождает серьезную мыслительную проблему: каким образом строить модели пенализации каждого преступления, если одна и та же ценность материального благосостояния, ценность свободного престижного труда и личной свободы отличается на разных уровнях стратификации?

С позиции метафизики эта проблема была бы, по всей видимости, неразрешимой. Однако современные криминологические инструменты позволяют эту проблему снять. Правоохранительной практикой выявлены устойчивые закономерности распределения преступности по социальной карте общества, по различным его стратам. Иными словами, у преступности разных видов имеется свой социальный портрет, и криминология со свойственной ей методологией это фиксирует.

Например, многолетние криминологические наблюдения показывают, что представители среднего класса или более высоких социальных слоев представлены среди убийц (даже в соучастии) в числовом значении на уровне погрешности. Подавляющее большинство преступлений, квалифицируемых по ст. 105–108 УК РФ, а также по ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершаются в так называемых социальных низах. Неудивительно с этих позиций, что в статистическом отношении эта разновидность насильственной преступности связана с явлениями алкоголизма, регулярным потреблением иных психоактивных веществ, с низкой культурой общения, бытовыми конфликтами⁶¹, опытом прежней судимости, отсутствием постоянных источников заработка.

Другой пример — кражи. Юридически одно и то же преступление показывает совершенно разный социальный состав, как только мы начнем разделять его по особенностям предмета посягательства и размеру причиненного ущерба. В итоге социальный портрет тех, кто совершает кражи, квалифицируемые по ч. 1 и 2 ст. 158 УК РФ (наиболее представленные в числе зарегистрированных хищений), принципиально отличается от тех, кто привлечен к ответственности за хищения транспортных средств, за кражи в крупном или особо крупном размере (разумеется, с учетом исключений, находящихся в пределах статистических погрешностей).

Выраженные различия в социальных и экономических характеристиках обвиняемых обнаруживаются и при сравнении наименее квалифицированных и наиболее тяжелых разновидностей взяточничества. Свой специфический контингент характерен для вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, для преступлений, квалифицируемых по ст. 171, 198–199², 238 УК РФ, для незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (особенно если отдельно анализировать оборот без цели сбыта

---

⁶¹ См.: Релецкая А. Л. Виновное поведение потерпевшего и проблемы реализации принципа справедливости в уголовной политике. Монография / под ред. В. Я. Рыбальской. М.: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. С. 4–20.

и связанный со сбытом), а также многих других преступлений. Связи между социально-классовой принадлежностью и характерными видами совершаемых преступлений выявил и В. В. Волков⁶².

Конечно, в таких особенностях распределения преступности в обществе нет чего-то неожиданного — это социальное явление, оно порождено особенностями условий жизнедеятельности отдельных социальных групп, сложившимися в обществе правилами распределения общественного продукта между разными его стратами, доступностью определенных благ, в том числе для посягательства на них, препятствиями на пути вертикальных каналов социализации, экономической миграцией и разностью в уровне жизни между разными регионами.

Однако здесь мы должны вернуться к сложившейся практике дифференциации уголовной ответственности: каждый шаг предполагает линейное увеличение карательного потенциала уголовной ответственности путем увеличения размеров наказаний, которые были заложены в санкции для основного состава преступления, а также путем сокращения количества альтернативных наказаний, не связанных с лишением свободы.

Столкновение этого достижения уголовно-правовой доктрины и социальной практики приводит к следующим результатам⁶³ (см. рис. 1–5)⁶⁴.

Из представленных диаграмм, построенных по данным судебной статистики, видно, что практика назначения наказаний по *de jure* более тяжким преступлениям *de facto* представляет перед нами привилегированные составы. Иными словами, мошенничество, присвоение или растрата с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 и ч. 3 ст. 160 УК РФ) в действительности влекут менее строгую ответственность, нежели названные преступления без этого квалифицирующего признака. Подобные закономерности отмечались отечественными правоведом и ранее: «Если сравнить наказуемость таких преступлений, как мошенничество, присвоение и растрата... то реальное лишение свободы чаще применяется за совершение квалифицированных видов преступлений, чем за особо

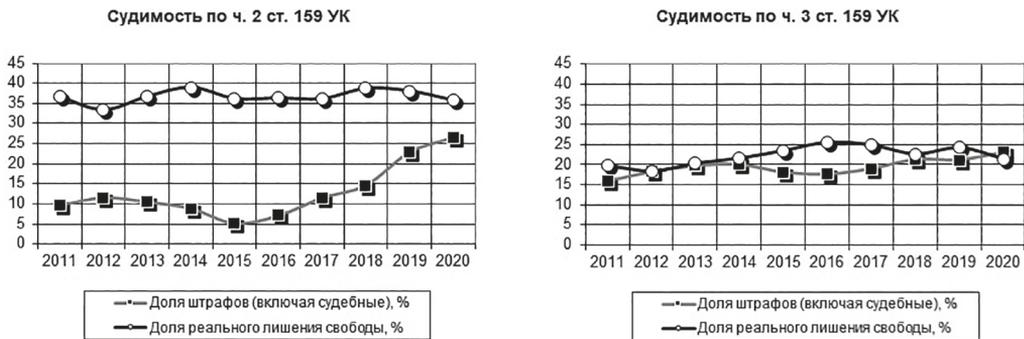

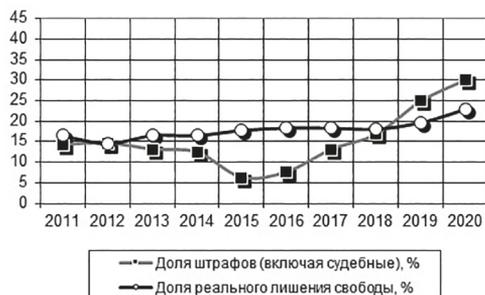
Рис. 1. Сравнение показателей судимости за мошенничество

⁶² Волков В. В. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII, № 4. С. 69–70.

⁶³ Рядом с каждой диаграммой указан показатель среднего арифметического доли реального лишения свободы от числа осужденных за данное преступление за весь период наблюдения. Показатель обозначен как mDiG, то есть *mediocris Deminutio maxima*.

⁶⁴ По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Отчет формы № 10.3. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.02.2020).

Судимость по ч. 2 ст. 160 УК

Судимость по ч. 3 ст. 160 УК

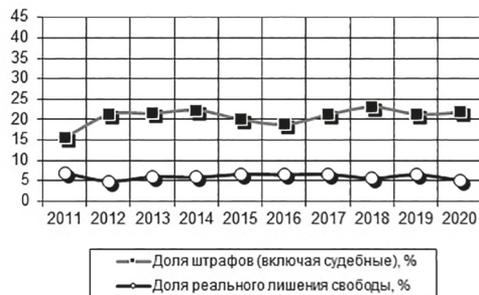
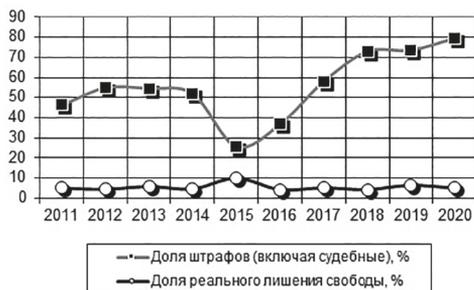

Рис. 2. Сравнение показателей судимости за присвоение и растрату

Судимость по ч. 1 ст. 285 УК

Судимость по ч. 2 ст. 285 УК

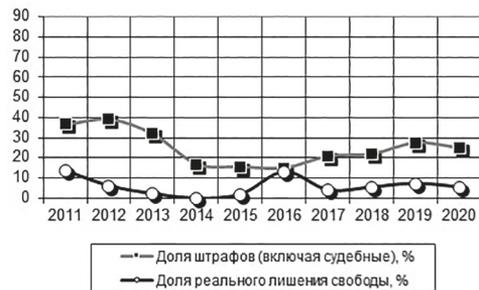
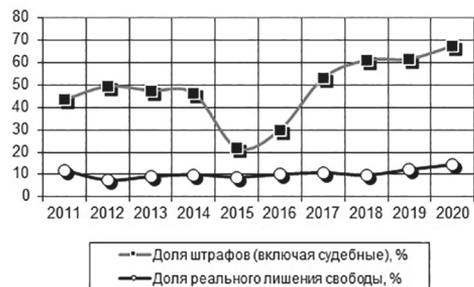

Рис. 3. Сравнение показателей за злоупотребление должностными полномочиями

Судимость по ч. 1 ст. 286 УК

Судимость по ч. 2 ст. 286 УК

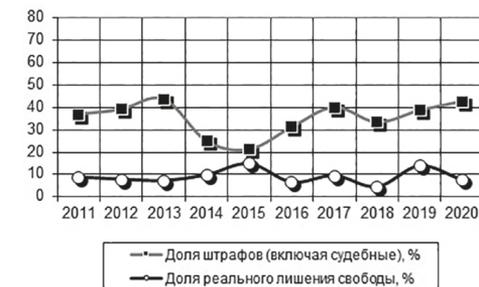

Рис. 4. Сравнение показателей за превышение должностных полномочий

квалифицированные, а более мягкие меры (условное осуждение и штраф) — наоборот»⁶⁵.

То же самое можно сказать о должностных преступлениях: злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий, совершенные главой органа местного самоуправления, а равно лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или ее субъекта (ч. 2 ст. 285

⁶⁵ Арзамасцев М. В. Дисбаланс наказуемости коррупционных и экономических преступлений // Криминологические основы уголовного права: Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 23.

Рис. 5. Сравнение показателей за причинение смерти по неосторожности

и ч. 2 ст. 286 УК РФ), влечет менее строгую ответственность, чем за те же деяния, но совершенные так называемым неквалифицированным должностным лицом (ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ).

Не менее показательным является и соотношение наказуемости причинения смерти по неосторожности лицом вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ) и неквалифицированного преступления, предусмотренного этой же статьей (ч. 1 ст. 109 УК РФ). Граждане, причинившие смерть по неосторожности без квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК, привлекаются к более суровой ответственности.

С позиции строгой догматики это наблюдение может показаться парадоксальным: чем более квалифицированный состав преступления применяется, тем гуманнее оказывается подход к виновному. Однако как только мы обобщим социальные характеристики подсудимых по менее квалифицированным составам рассмотренных преступлений и, соответственно, по более тяжким, то все встанет на свои места: это предстатели разных социальных страт.

Очевидно, что уголовный закон этого не учитывает и оказывается недостаточно гибким, в то время как суды при рассмотрении конкретных уголовных дел сталкиваются с реальной действительностью и такие социальные различия обнаруживают.

Конечно, сама по себе статистика применения ч. 3 ст. 159 или ч. 3 ст. 160 УК РФ не означает, что мягкость наказания вызвана более высоким социальным положением подсудимых в структуре российского общества. Вместе с тем именно эта гипотеза подтверждается при исследовании более 82 % приговоров, доступных для анализа на ресурсах СПС «КонсультантПлюс» версии «Проф», на sudact.ru, а также в базе судебных решений с открытым доступом в системе ГАС «Правосудие» (<https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>). Исключения связаны с наличием обстоятельств, не позволяющих суду назначить мягкое наказание (преимущественно — совокупность преступлений, крупный или особо крупный размер ущерба при том, что он не возмещен).

Во многом схожие выводы получил В. В. Волков, проанализировав полтора миллиона судебных решений с использованием математического аппарата⁶⁶.

Не менее показателен другой пример. Вследствие повышенного внимания к проблемам с безопасностью дорожного движения были внесены изменения

⁶⁶ Волков В. В. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII, № 4. С. 62–85.

в законодательство⁶⁷, и ответственность за деяние, предусмотренное ст. 264 УК, стала самой суровой среди преступлений, совершаемых по неосторожности, а также среди преступлений средней тяжести, допуская возможность назначить наказание в виде девяти лет лишения свободы⁶⁸. Ожидалось, что такое ужесточение уголовного закона непосредственно отразится на практике его применения, а отсюда — на правосознании участников дорожного движения, изменив обстановку на российских дорогах в позитивном ключе.

Вместо этого мы стали свидетелями как очередного отрыва уголовного закона от объективных социальных процессов, так и последствий несовпадения шкалы оценки, отраженной законодателем в санкциях ст. 264 УК РФ, от большинства индивидуальных шкал оценки правоприменителей и граждан. Когда судьи непосредственно сталкиваются с дорожно-транспортными преступлениями и лицами, их совершившими, то обнаруживают у виновных положительные характеристики, принадлежность к экономически активной части населения (ближе к среднему классу), наличие детей на иждивении, раскаяние, извинительную обстановку преступления и даже правонарушающее поведение потерпевшего на предкриминальной стадии. При таких обстоятельствах судье сложно найти основания для применения санкции ст. 264 УК РФ в том виде, как ее сформулировал законодатель. С одной стороны, в ч. 2–6 ст. 264 УК РФ нет альтернатив лишению свободы, а с другой — такое наказание представляется чрезмерно суровым для применения к тем, кто обычно обвиняется в совершении автотранспортного преступления. Остается назначать лишение свободы, но условно либо искать иные основания для применения дифференцирующего и поощрительного потенциала уголовного закона (например, назначать более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, по правилам ст. 64 УК РФ). В целом по стране доля наказаний, назначенных условно, по делам о дорожно-транспортных преступлениях превышает $\frac{1}{3}$, а практически половина всех решений — это прекращение уголовного преследования за примирением с потерпевшим⁶⁹.

Насколько обнаруженный подход судов отражает уголовно-политические воззрения законодателей о дифференциации уголовной ответственности, о степени общественной опасности преступлений и насколько правильно применять в таких объемах ст. 64, 73 и 76 УК РФ, которые являются по своей природе исключением из общего правила?

В. Д. Филимонов видит в такой практике разрешения уголовных дел признак дисфункциональности уголовного закона и системы уголовной юстиции в целом⁷⁰. Соглашаясь с ним в постановке такого диагноза, отметим, что проблема заключается не столько в отсутствии принципиальности у правоприменителей, сколько в оторванности уголовного закона от социальной действительности.

С точки зрения современного научного знания о преступности можно утверждать, что процессу пенализации и его криминологического обоснования в России уделяется недопустимо мало внимания. В частности, огромное количество копий сломано вокруг толкования признаков диспозиций статей Особенной части УК РФ

⁶⁷ Федеральный закон от 13.02.2009 г. № 20-ФЗ «О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 18.02.2009.

⁶⁸ После изменений, внесенных Федеральным законом от 23.04.2019 № 65-ФЗ, эта статья стала еще более суровой с отнесением ч. 4 и 6 ст. 264 УК РФ к категории тяжких преступлений.

⁶⁹ См.: Статистический отчет о судимости формы 10.1 за 12 месяцев 2014 года и другие периоды // Данные судебной статистики. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.02.2020).

⁷⁰ Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 195–196.

(о хищениях, взяточничестве, незаконном обороте наркотических средств и др.) по поводу разграничения между собой преступлений со смежными составами и т. п. При этом санкции в статьях УК РФ конструируются методом чистого разума, в отрыве от обобщенных эмпирических данных, хотя именно в санкции конкретного уголовно-правового запрета закладываются функциональные характеристики уголовного законодательства, его исправительный и превентивный потенциал.

В среде правоведов предлагаются разные варианты решения обозначенной проблемы. Пожалуй, наиболее распространенной является идея ограничить судебское усмотрение путем конкретизации и упрощения санкций статей Особенной части УК: «Следует устранить возможность при назначении уголовного наказания определять его из весьма значительного диапазона возможных альтернативных санкций»⁷¹. В рамках такого подхода предлагается установить нижние пороги (пределы) наказаний в санкциях (в особенности это касается лишения свободы на определенный срок)⁷². При этом основное методологическое правило остается прежним: «Тяжесть наказания должна соответствовать тяжести преступления — это один из основополагающих принципов уголовного права»⁷³.

Этот подход при очевидных достоинствах в вопросах упорядочения нормативного материала и логики дифференциации уголовной ответственности тем не менее не учитывает принципиально важного нюанса: положений Общей части УК РФ, устанавливающих правила индивидуализации ответственности. Как справедливо отметил М. В. Арзамасцев, обстоятельства, отягчающие наказание, ориентированы преимущественно на тех, кто совершает общеуголовные преступления (а это зачастую представители даже не среднего класса, они тяготеют к низу пирамиды социальной стратификации), в то время как признаки, характерные для преступности «белых воротничков», — хороший послужной список, благополучное семейное положение, наличие положительных социальных связей — являются обстоятельствами, вынуждающими суд смягчать участь виновного лица⁷⁴. Следовательно, даже в случае реализации названных выше предложений правовые последствия для представителей разных социальных групп по-прежнему будут существенно различаться, продолжая *de facto* усиливать социальное неравенство.

Полагаем, что необходимо переосмыслить саму методологию уголовного закона в первую очередь в части подходов к пенализации. Здесь как нельзя кстати приходится утверждение А. Э. Жалинского: «Вполне возможно, что углубление и (или) пересмотр методологических предпосылок приведут к столь необходимой трансформации уголовно-правовой теории, в особенности по направлениям повышения определенности уголовно-правовых норм, снижения репрессивности наказания и дифференциации уголовной ответственности, лучшей защиты прав потерпевших. Во всяком случае, совершенствование уголовного законодательства без этого невозможно»⁷⁵.

---

⁷¹ Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности... С. 45; См. также: Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2018. № 3. С. 11, 16; и др.

⁷² Побегайло Э. Ф. Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 28 сент. 2012 г.: в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2012. Т. 1. С. 16–17.

⁷³ Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности... С. 42.

⁷⁴ Арзамасцев М. В. Дисбаланс наказуемости коррупционных и экономических преступлений. С. 25–26.

⁷⁵ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2008. С. 29.

Наиболее целесообразным с таких позиций представляется отказ от абстрактных представлений о равной тяжести каждого вида наказания для любого индивида, отказ от попытки найти общее мерило или матрицу для всех преступлений из разных глав УК. Вместо этого наказания, предусмотренные за те или иные преступления, должны быть сориентированы на наиболее распространенный контингент индивидов, совершающих такие деяния. Эта идея отнюдь не является новой для отечественной доктрины уголовного права: «... важно, чтобы “физиономия” каждой санкции была определена законодателем четко, однозначно, соответствовала бы по виду и размерам описанного в ней наказания типовым, а равно **прогнозируемым индивидуальным свойствам содеянного виновным и его личности** (выделено нами. — В. Ш.)»⁷⁶.

Значит, уголовный закон должен гарантированно поражать ценности, наиболее важные для представителей той социальной группы, которая в наибольшей степени склонна совершать преступления данного вида, предусматривая, разумеется, инструменты для индивидуализации уголовного наказания в каждом случае с учетом обстоятельств содеянного (в качестве исключения из общего правила).

В таком случае штраф не может рассматриваться как привилегия богатых против неимущих, которым назначаются, например, обязательные работы, — но если штраф не будет рассматриваться как самое мягкое наказание и его размер будет обеспечивать существенное влияние на социальное положение виновного лица. По-видимому, требуется проработка механизмов исполнения штрафа (с вариантами эффективной его замены в случае неуплаты), чтобы такое наказание не оставалось номинальным или привилегированным в плохом понимании.

В этой связи заслуживают внимания предложения С. С. Босхолова и С. В. Максимова об установлении пусть небольшой, но существенной альтернативы в санкциях статей Особенной части уголовного закона (по примеру УК Швеции: лишение свободы либо штраф в очень существенном размере), а также возвращение конфискации имущества в систему уголовных наказаний с возможностью изъятия и такого имущества, которое было передано виновным лицом в пользу родственников или свойственников в период совершения преступления⁷⁷.

Значит, равенство перед уголовным законом необходимо понимать в ином ключе: не в *de jure* возможности назначения уголовного наказания из одного и того же их набора любому индивиду из любой социальной страты, а в предусмотренной законом высокой вероятности *de facto* существенного ухудшения правового статуса и социальных возможностей виновного лица, исходя из его социального положения.

На первый взгляд такое изменение методологических оснований пенализации может создавать ощущение утраты единого логико-юридического критерия измерения тяжести преступлений и наказаний в Особенной части УК. Однако к настоящему времени удовлетворительного решения этой задачи не было предложено. Вместо этого УК РФ периодически утрачивает социальные основания, снижается его эффективность. Поэтому нужен баланс между внутренней логической стройностью текста уголовного закона, с одной стороны, и его связью с реальными социальными явлениями и процессами, на которые необходимо воздействовать, — с другой.

---

⁷⁶ Спиридонова О. Е., Кругликов Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. С. 80.

⁷⁷ Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования. С. 16.

Такое переформатирование уголовно-правовых норм представляется непросто задачей, и для ее решения необходимы социолого-правовые, криминологические исследования, а также переосмысление юридических конструкций в самом законе.

В настоящее же время об уголовном законе и практике его применения можно говорить как о классовом явлении в нарицательном смысле. Эта классовость, однако, вызвана не только результатами «законодательной» борьбы за распределение ресурса власти и безопасности, но во многом еще и тем, что уголовный закон не учитывает стратификацию российского общества и социальные характеристики деяний, признанных преступлениями. Видимо, сложившееся сейчас понимание равенства следует считать мифом, равно как и представления о возможности уравнивать всех граждан перед законом путем установления какой-то общей и одинаковой для всех шкалы наказаний с универсальной градацией тяжести.

Статья поступила в редакцию 1 октября 2020 г.

Рекомендована к печати 15 февраля 2022 г.

The problem of classism and equality in criminal law: Socio-legal analysis

V. N. Shikhanov

For citation: Shikhanov, Vladimir N. 2022. The problem of classism and equality in criminal law: Socio-legal analysis. *Pravovedenie* 66 (1): 43–68. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.103> (In Russian)

The author problematizes the issue of equality of citizens before Criminal Code, as well as the question of classist nature of the criminal delinquency and, accordingly, criminal law. This debate has existed so far in the circle of jurists, different points of view are expressed, arguments are given. Meanwhile, the very understanding of the term “class” as applied to crime or criminal law has changed over time. The paper describes how the discourse on classism has changed, the positions of the Constitutional Court of Russia on equality are presented. Based on the data of judicial statistics, the author points to stable patterns when less severe penalties are imposed for crimes considered to be more serious in law. This phenomenon, which may seem paradoxical in terms of the doctrine of criminal law, has a criminological explanation. In all such cases, the courts respond to the social characteristics of the criminals: the defendants for more serious crimes are those who have used their official position, but these same persons have positive characteristics, they are socialized to the maximum extent possible. And on the contrary, those who committed less serious crimes did not have a someone official position and in general, for the most part, are representatives of lower social strata. The author substantiates the thesis that the theoretical and methodological features of the current criminal law, in particular the mechanisms for differentiating criminal liability and the system of criminal penalties, do not adequately take into account the social characteristics of crime, the actual system of social values in Russian society, and the features of social stratification. The entire system of criminal punishments and the vast majority of sanctions in the articles of the Special Part of the Criminal Code of Russia are based on a certain model of the hierarchy of the system of social values. At the same time, sociological studies make it possible to find that the indicated hierarchy model is divorced from reality, and therefore the criminal law is not an adequate reflection of real social relations. The author proposes to change the methodology of building a system of criminal penalties and sanctions in the articles of the Special part of the Criminal code. At the same time, it recognizes as a utopia the hope of ensuring equality of citizens before the law by establishing common and identical scales for all with a universal gradation of the severity of criminal penalties, since they contradict social reality.

Keywords: criminal liability, differentiation of responsibility, social stratification, class approach, legal equality.

References

- Arzamastsev, Maksim V. 2016. Imbalance of punishability of corruption and economic crimes. *Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava: Materialy X Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava (26–27 may 2016)*. Moscow, Iurlitinform Publ. 21–26. (In Russian)
- Babaev, Mikhael M., Zvonov, Andrey V., Kilimbaev, Roman V., Kruglikov, Lev L., Lapshin, Valeriy F., Pudovochkin, Yuriy E., Rozenko, Stanislav V. 2018. *Criminal punishment: socio-legal analysis, systematization and development trends: monograph*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)
- Becker, Gary S. 2003. *Human behavior. Economical Approach*. Moscow, GU VShE Publ. (In Russian)
- Boskholov, Sergey S., Maksimov, Sergey V. 2018. Criminal law policy: experience, problems and ways to improve. *Prolog: zhurnal o prave* 3: 8–18. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2018.3.2> (In Russian)
- Criminology*. 3rd ed. 2003. Ed. Sheley, Joseph F. St Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Derzhavin, Konstantin N. 1946. *Voltaire*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ. (In Russian)
- d'Holbach, Paul-Henri T. 1963. *Selected Works: In 2 Volumes. 2nd Vol.* Moscow, Izdatel'stvo Sotsial'no-ekonomicheskoi literatury Publ. (In Russian)
- Epifantseva, Elena V. 2008. Who does the criminal law protect? *Obshchestvo i pravo* 2: 90–92. (In Russian)
- Filimonov, Vadim D. 2003. *The protective function of criminal law*. St Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press Publ. (In Russian)
- Gadzhiev, Gadis A. 2014. Constitutional foundations of legal responsibility and constitutional legal responsibility. *Zhurnal rossiiskogo prava* 1: 7–15. (In Russian)
- Golenkova, Zinaida T., Goliusova, Julia V., Orekhova, Inessa M. 2019. Contradictions and problems of modernizing the social structure of modern Russian society. *Rossia reformiruushchasiya: ezhegodnik* 17: 311–331. (In Russian)
- Gorshkov, Mikhail K. 2020. Dynamics of social transformation of modern Russia in the socio-economic, political, socio-cultural and ethno-religious context. *Rossiiskii nauchnyi fond*. Available at: https://rscf.ru/prjcard_int?17-28-00010 (accessed: 30.12.2019). (In Russian)
- Malakhov, Valeriy P., Mikhailova, Natalia V. (Eds). *History of political and legal teachings: studies. Stipend*. 3rd ed. 2015. Moscow, IuNITI-DANA Publ. (In Russian)
- Kleimenov, Ivan M. 2012. *Comparative criminology: a monograph*. Moscow, Norma Publ.: Infra-M Publ. (In Russian)
- Kruglikov, Lev L., Vasil'evskii, Alexander V. 2003. *Differentiation of responsibility in criminal law*. St Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press Publ. (In Russian)
- Kuznetsova, Ninel F. 1969. *Crime and criminality*. Moscow, Moscow University Press. (In Russian)
- Lenin, Vladimir I. 1970. *Complete works*. 5th ed. Vol. 39. Moscow, Izdatel'stvo Politicheskoi literatury Publ. (In Russian)
- Lesnievski-Kostareva, Tatiana A. 1998. *Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Liass, Natalia V. 1977. *Problems of guilt and criminal responsibility in modern bourgeois theories*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ. (In Russian)
- Magun, Vladimir, Rudnev, Maxim. 2008. Vital values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries. *Vestnik obshchestvennogo mneniia* 1 (93): 33–58. (In Russian)
- Marat Dofman. 2010. *Israeli Criminal Law Act*. Moscow, Direkt-Media Publ. (In Russian)
- Marks, Karl, Engels, Friedrich. 1907. *Literary legacy*. Vol. 1. Moscow, Mir Publ. (Russian Edition)
- Mikhailov, Anton M. 2019. *Philosophy of Law: Classic Legalism and the Historical School of Jurisprudence: a textbook for undergraduate and graduate studies*. 2nd ed. Moscow, Iurait Publ. (In Russian)
- Naumov, Anatoliy V. 2007. *Russian criminal law: a course of lectures: in 3 volumes*. Vol. 1. Common part, 4th ed. Moscow, Wolters Kluwer Publ. (In Russian)
- Naumov, Anatoliy V. 2012. On the reality of the scientific concept of criminal policy. *Sovremennye problemy ugolovnoi politiki: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (28 sep. 2012). Vol 1. Krasnodar, Krasnodarskii universitet MVD Rossii Publ.: 24–33. (In Russian)

- Nersesiants, Vladik S. 2009. *History of political and legal doctrines: textbook*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Nikulin, Viktor V. 2013. Justice and politics: the relationship between politics and law in the Soviet system of punishments. *Genesis: istoricheskie issledovaniia* 5: 1–59. <https://doi.org/10.7256/2306-420X.2013.5.747> (In Russian)
- Petrov, Alexander V. 2008. Value preferences of young people: diagnostics and trends of changes. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 2: 83–90. (In Russian)
- Pobegailo, Eduard F. 2012. On the deepening crisis of Russian criminal policy. *Sovremennye problemy ugolovnoi politiki: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (28 sep. 2012). Vol. 1. Krasnodar, Krasnodarskii universitet MVD Rossii Publ.: 14–24. (In Russian)
- Repetskaia, Anna L. 1994. *Guilty behavior of the victim and problems of implementing the principle of justice in criminal policy: monograph*. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta Publ. (In Russian)
- Rogova, Evgenia V. 2014. *The doctrine of differentiation of criminal responsibility: monograph*. Moscow, Iurliinform Publ. (In Russian)
- Gorshkov, Mikhael K., Anikin, Vasilii A., Drobizheva, Leokadia M., Kolennikova, Nina D., Latov, Yurii V., Latova, Nataliia V., Lezhnina, Yuliia P., Mareeva, Svetlana V., Petukhov, Vladimir V., Petukhov, Roman V., Slobodeniuk, Ekaterina D., Tikhonova, Natalia E., Sheregi, Franz E. 2018. *Russian society after the presidential election-2018: request for change: information and analytical report*. Moscow, FGBUN FNISTs RAN Publ. Available at: http://www.isras.ru/files/File/publ/Ros_obschestvo_posle_prezident_vyborov_2018.pdf. (accessed: 30.12.2019). (In Russian)
- Sabitov, Rashid A., Sabitov, Timur R. 2012. On the inconsistency of certain norms of the Criminal Code of the Russian Federation with the principle of equality of citizens before the law, regardless of property and official status. *Vestnik IuUrGU. Seriya "Pravo"* 29: 69–74. (In Russian)
- Shestakov, Dmitriy A. 2015. *Crime theory and the basics of industry criminology: favorites*. St Petersburg, Iuridicheskii tsentr Publ. (In Russian)
- Sorokin, Pitirim A. 2006. *Crime and punishment, feat and reward: a sociological study of the main forms of social behavior and morality*. Moscow, Astrel' Publ., 2006. (In Russian)
- Spiridonova, Olga E., Kruglikov, Lev L. 2005. *Legal constructions and symbols in criminal law*. Saint Petersburg, Iuridicheskii tsentr Publ. (In Russian)
- Sundurov, Feodor R., Tarkhanov, Ildar A. (Eds). 2016. *The criminal law of Russia. General Part: Tutorial*. 2nd ed. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Volkov, Vadim V. 2014. Influence of the defendant's social status on the court's decision. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii XVII*, vol. 4: 62–85. (In Russian)
- Volkov, Grigory I. 1935. *The class nature of crime and Soviet criminal law*. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ. (In Russian)
- Zhalinskii, Alfred E. 2008. *Criminal law pending change. Theoretical and instrumental analysis*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)

Received: October 1, 2020
Accepted: February 15, 2022

Vladimir N. Shikhanov — PhD in Law, Associate Professor, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, 1, ul. Shevtsova, Irkutsk, 664035, Russian Federation; ShikhanovVN@Rambler.ru